

М. М. Громова
(Москва)

Особенности кластеризации клитик в современном словенском языке

Настоящая работа посвящена синхронному описанию актуальных процессов в кластеризации местоименных и глагольных клитик в современном словенском языке.

Ключевые слова: *словенский язык, клитики, словенские диалекты.*

В основе исследования лежит анкетирование, проведенное нами в апреле 2014 г. среди словенских студентов, обучающихся по специальности «педагогика и андрагогика» в Люблянском университете. Анкетированным было предложено 13 фраз и законченных высказываний на словенском языке, содержащих примеры подъема глагольных клитик будущего времени, соседства двух возвратных или двух местоименных клитик соседних рангов, различные вариации клаймбинга клитик. Все примеры были записаны в стандартной орфографии и не отражали особенностей произношения. Большая часть примеров была записана нами ранее из спонтанной речи носителей словенского языка, меньшая взята из электронного корпуса словенского языка *Gigafida*¹ и из нормативной грамматики словенского языка Й. Топоришича «Slovenska slovnica»².

От анкетированных требовалось указать, соответствует ли, по их мнению, пример нормам словенского литературного языка. При отрицательном ответе участник анкетирования должен был охарактеризовать его как разговорное (региолектное) явление / диалектизм / аграмматичную структуру, возможную только в речи иностранца, и записать в соответствии со своими представлениями о литературной норме, а также в том виде, в котором произнес бы его на родном идиоме*. Сопоставление «исправленного» и «диалектного» вариантов

* В соответствии с классификацией, приведенной в «Словенской грамматике», в устно-разговорной сфере словенского языка различаются следующие социальные разновидности:

– литературный стандарт (*zborni jezik*), используемый в средствах массовой информации и при официальных выступлениях; обычно подразумевает чтение заранее написанного текста; владение стандартом подразумевает его осознанное изучение в учебных заведениях;

позволило увидеть, какие диалектные и региолектные особенности порядка слов соответствуют представлениям носителей о языковой норме, а какие сознательно отбрасываются как «неправильные».

В анкетировании приняли участие 34 человека в возрасте от 19 до 27 лет, для которых словенский язык является родным.

Учитывалось происхождение как самих анкетированных, так и их родителей, а также степень владения говором населенного пункта, в котором они проживают, или региолектом соответствующей территории. Так, 7 анкетированных являются носителями приморского региолекта, 2 – ровтарского, 12 – центральнословенского (4 – гореньцы, 4 – доленьцы, 4 – жители Любляны), 8 – южноштирийского, 5 – северноштирийского; каринтийский региолект не представлен. Из 34 анкет было отобрано 28; не учитывались результаты тех участников, для родителей которых идиом населенного пункта / местности, где они проживают, или словенский язык не является родным.

Следует отметить, что носители словенского языка, не имеющие специального филологического образования, зачастую колеблются в определении принадлежности того или иного явления нелитературного синтаксиса к разговорной речи (региолекту) или конкретному диалекту. Основным критерием для атрибуции диалектной речи являются произношение и интонация, но не порядок слов. Естественно, речь, записанная без отражения фонетических особенностей, не воспринимается как диалектная; пример с не-

– разговорная форма литературного языка (*splošno-pogovorni jezik* или *knjižno-pogovorni jezik*), используемая в повседневном общении образованными людьми; основное ее отличие от литературного стандарта заключается в ее спонтанности, допускаются также отдельные редуцированные формы;

– региолекты (*pokrajinsko-pogovorni jeziki*) – центральнословенский (иногда особо выделяют региолект Любляны), южно- и северноштирийский (включающий территорию распространения паннонских диалектов), приморский, каринтийский, ровтарский; для носителей словенского языка, не владеющих конкретным диалектом, родным идиомом может являться региолект;

– территориальные диалекты (*zemljepisna narečja*), входящие в семь групп (каринтийская, приморская, ровтарская, гореньская, доленьская, штирийская, паннонская), и городские говоры (*mestne govorice*);

– социолекты (*interesne govorice*): сленг, жаргон и апро.

Первые две разновидности составляют литературный язык, остальные являются нелитературными формами.

литературным синтаксисом словенец с большой вероятностью охарактеризует как разговорный, противопоставляя «правильному» литературному языку «неправильный» региолект. Например, носители паннонских диалектов, обладающих ярко выраженными синтаксическими особенностями, пример со специфическим паннонским синтаксисом охарактеризуют как разговорный, а не диалектный – именно из-за того, что в нем не отражена диалектная фонетика.

Термин *клитика* используется в синтаксической и фонетической традициях. На просодическом уровне он обозначает слово, которое не имеет самостоятельного ударения и на синхронном уровне образует с полноударной словоформой фонетическое слово, присоединяясь к нему спереди (проклитика) или сзади (энклитика). На синтаксическом уровне клитики определяются исходя из их позиции в предложении / клаузе, частеречной принадлежности и функции, которую они выполняют в предложении. Так, согласно «Закону клитик»³, в языках мира клитики несут грамматическую информацию и практически никогда – лексическую; чаще всего клитики включают детерминаторы, вспомогательные глаголы, предлоги, местоимения, подчинительные и сочинительные союзы; знаменательные части речи, как правило, клитиками не бывают.

В синтаксической традиции существует разделение клитик на сентенциальные и простые⁴. Простые клитики («simple clitics») обычно функционируют на уровне группы, как правило, являясь ее вершиной; к ним относят предлоги и частицы. Сентенциальные клитики («special clitics») функционируют на уровне всего предложения; в словенском литературном языке к ним относятся:

- союзы *in*, *kot*, *da*, *če*, *najko*, *kadar*, частицы *naj*, *a/ali*, относительное местоимение *ki* – всегда проклитичны;
- формы настоящего и будущего времени глагола *biti*, употребляющиеся в качестве связки и в составе аналитических глагольных форм прошедшего и будущего времени как вспомогательный глагол, показатель сослагательного наклонения *bi* (далее – глагольные клитики);
- краткие формы дательного и винительного падежей возвратно-личного местоимения *sebe*, краткие (безударные) формы косвенных падежей личных местоимений.

Глагольные и местоименные клитики в словенском языке могут функционировать и как энклитики, и как проклитики⁵. Именно они являются предметом настоящей работы.

В восточнославянских диалектах (паннонская группа и часть штирийской) клитиками являются также личные формы глаголов *imeti* и *hoteti*, частицы *še* и *že*, а глагол *biti* имеет так называемые редуцированные формы будущего времени⁶; для указанных диалектов характерно приглагольное положение местоименных и возвратных клитик и отсутствие слитных «отрицательных» глагольных форм⁷.

В славянских языках с вакернагелевскими системами клитик все имеющиеся в предложении сентенциальные клитики группируются в **кластер** (блок), который не может быть разбит полноударной словоформой; кластер располагается в предложении на том же месте и подчиняется тем же правилам, что и единичная клитика. В кластере клитики располагаются в строгом порядке, который не может быть нарушен; следуя терминологии А. А. Зализняка, в данной работе порядковые номера клитик в кластере мы называем **рангами**⁸. Ниже приведен порядок кластеризации глагольных и местоименных клитик в словенском литературном языке:

1			2	3	4	5	6	7		
глагол <i>biti</i> (Praes., кроме 3Sg)			возвр. -личн. мест.		личн. местоимения			глагол <i>biti</i> (только Praes. 3Sg)		
			Dat	Acc	Dat	Acc	Gen			
<i>sem</i>	<i>sva</i>	<i>smo</i>	<i>si</i>	<i>se</i>	<i>mi</i>	<i>me</i>	<i>me</i>			
<i>si</i>	<i>sta</i>	<i>ste</i>			<i>ti</i>	<i>te</i>	<i>te</i>			
	<i>sta</i>	<i>so</i>			<i>mu/ji</i>	<i>ga/jo</i>	<i>ga/je</i>	<i>je</i>		
показатель Conj.					<i>nama</i>	<i>naju</i>	<i>naju</i>	глагол <i>biti</i> (Fut.)		
<i>bi</i>					<i>vama</i>	<i>vaju</i>	<i>vaju</i>	<i>bom</i>	<i>bova</i>	<i>bomo</i>
					<i>jima</i>	<i>ju</i>	<i>ju</i>	<i>boš</i>	<i>bosta</i>	<i>boste</i>
					<i>nam</i>	<i>nas</i>	<i>nas</i>	<i>bo</i>	<i>bosta</i>	<i>bodo / bojo</i>
					<i>vam</i>	<i>vas</i>	<i>vas</i>			
					<i>jim</i>	<i>jih</i>	<i>jih</i>			

В славянских языках с кластеризуемыми клитиками действует принцип, сформулированный А. А. Зализняком для древнерусского языка следующим образом: «две энклитики одного и того же ранга в рамках одной тактовой группы несовместимы»⁹ (под тактовой группой понимается фонетическое слово, частью которого является кластер энклитик)*. С помощью данного принципа можно описать

* Этот принцип применим и к проклитикам в тех славянских языках, где они есть.

функционирование местоименных клитик в южнославянских языках балканского языкового союза, в которых инфинитивные группы полностью или частично вытеснены *да*-конструкцией.

Словенский язык не входит в балканский языковой союз, инфинитив в нем является живой формой и весьма употребителен. Присутствие в кластере двух местоименных клитик одного ранга в словенском языке возможно при соблюдении одного из двух условий.

Первым условием является клаймбинг клитик¹⁰ (*clitic climbing*, букв. «карабание клитик»), представленный в словенском языке двумя разновидностями:

1) извлечение местоименных и возвратных клитик из вложенных инфинитивных групп и групп супина в позицию, отведенную для клитик в вышестоящей предикации, и кластеризация к уже имеющимся там клитикам*:

(1) *Moral* *bi*_{Cond} *se*_{Refl, i} [_{IP} *začeti* [_{IP} *pripravljati* *t*_i *za v ponedeljek za prakso*]].

‘Я бы должен [начать [готовитьсяся к понедельнику к практике]].’

2) извлечение любых клитик из финитных групп в группу комплементаризера, причем левая граница придаточных предложений для клитик непроходима:

(2) *Upam*, [_{CP} *da* *mi*_{Dat, i} *ga*_{Acc, k} *bo*_{Aux.Fut.3Sg, j} [_{VP} *uspelo* *t*_i *t*_j [_{IP} *napisati* *t*_k]].

‘Надеюсь, [мне удастся [его написать]].’

При клаймбинге возможно соседство двух клитических форм личных местоимений винительного или дательного падежей, причем порядок следования клитик одного и того же ранга соответствует порядку вложения групп. Так, в примере (3) в группу комплементаризера вынесены две клитики дательного падежа (4 ранг), принадлежащие к последовательно вложенным финитной и инфинитивной группам:

(3) *Škoda*, [_{CP} *da* *se*_{Refl, i} *mi*_{Dat} *vam*_{Dat, j} [_{VP} *ni*_{Aux.Neg} *uspelo* [_{IP} *pridružiti* *t*_i *t*_j]].

‘Жаль, что мне не удалось к вам присоединиться.’

* В приведенных примерах нижний индекс при клитике указывает на то, что клитика перенесена в вышестоящую предикацию посредством клаймбинга; символ *t* указывает на место, которое занимала клитика до перемещения.

Пример (4) демонстрирует соседство двух клитик винительного падежа (5 ранг):

(4) *Sram* *nas*_{Acc.1Pl.} *jo*_{Acc.3Sg.f.} *je*_{Aux} [_{IP} *uporabljati t_i*].
 ‘Стыдно нам ей использовать.’

Второе условие, при котором в кластере могут находиться две местоименные клитики одного ранга, – способность глагола управлять двумя дополнениями прямого объекта. Таковы, например, глаголы *učiti* ‘обучать’, *spraševati* ‘спрашивать’, *reševati* ‘спасать’ (примеры 5 и 6 взяты из работы Янеза Орешника):

(5) *Janez sprašuje Micki hčerko matematiko => sprašuje ji jo jo*
 ‘Янез спрашивает дочку Мицки по математике’

(6) *Janez naj bi Micki ne učil hčerke matematike => Janez naj bi je je ne učil*
 ‘Янез якобы не учил дочку Мицки математике’

В этом случае в кластере могут находиться две клитики винительного или родительного падежа, причем первая всегда обозначает одушевленный объект, вторая – неодушевленный¹¹.

В определенных случаях словенский язык избегает последовательности двух местоименных клитик соседних рангов. Так, избегается замещение обеих валентностей прямого дополнения при предикативе краткими формами винительного и родительного падежей личных местоимений (5 и 6 ранги):

(7) *sram* *me*_{Acc.1Sg.} *te*_{Gen.2Sg.} *je*_{Aux}
 ‘мне стыдно за тебя’

Только один информант (окрестности г. Нова Горица, приморская группа диалектов) счел такой порядок употребительным в диалектной речи и один (г. Ново Место, доленьская группа, центральнословенский региолект) – нормативным; большинство информантов, охарактеризовав пример (7) как аграмматичный и непонятный, трансформировали его следующими способами:

1) замена предикатива на личную форму глагола: *sramujem se te* ‘я стыжусь тебя’ (5 раз в «диалектных» вариантах, 11 – в «исправленных»); наиболее часто у приморцев, у доленьцев не встречается);

2) замена всей конструкции на оборот *delaš mi sramoto* ‘ты меня позоришь’ (дважды в «диалектных» вариантах у носителей приморских и гореньских диалектов; в «исправленных» оба раза выбрана личная форма глагола);

3) замена клитики *Gen* на предложную конструкцию: *sram me je zaradi tebe* 'мне стыдно из-за тебя', *sram me je za tebe*, *sram me je zate*, *sram me je s tabo* 'мне стыдно за тебя', *sram me je pred tabo* 'мне стыдно перед тобой' или на личную форму глагола с предложной конструкцией: *sramujem se za tebe* (4 раза в «диалектных» вариантах, 3 – в «исправленных»; не встречается у доленьцев и жителей Любляны);

4) замена клитической формы одного из личных местоимений на полноударную: *sram me je tebe*, *sram te je mene*, *mene te je sram* (6 раз в «диалектных» и 7 в «исправленных» вариантах; этот способ не встречается только у приморцев и жителей Любляны);

5) 50% опрошенных носителей штирийских диалектов изменили порядок местоименных клитик: *sram me te je* => *sram te me je*.

Краткие формы возвратно-личного местоимения *sebe* (*si* и *se*) занимают 2 и 3 ранги соответственно и могут функционировать в качестве возвратных частиц. Их соседство также избегается носителями словенского языка – как при клаймбинге, так и при возвратных глаголах, управляющих дательным падежом (несмотря на то, что формальных ограничений на замещение валентности датива формой возвратно-личного местоимения нет).

Предложение *Sem si se zasmilil* 'мне стало себя жаль', приведенное в «Словенской грамматике» как нормативное, только двое информантов сочли допустимым в разговорной речи; для четырех представителей разных диалектных групп оно оказалось совершенно непонятным; большинство участников охарактеризовали пример как аграмматичный. В «диалектном» и «исправленном» вариантах клитическая форма возвратно-личного местоимения была последовательно устранена (*zasmilil sem se* 'меня стало жаль') или заменена полноударной формой (*zasmilil sem se samemu sebi* 'мне самому стало себя жаль', *zasmilil sem se sebi* '(именно) мне стало жаль себя').

В случаях клаймбинга возвратной клитики из вложенной группы, если в вышестоящей предикации уже присутствует клитика 2 или 3 ранга, действует тенденция к устранению из кластера одной из возвратных клитик. Так, пример (8) только один информант счел употребительным в родном идиоме (Ватовле, приморская группа) и четверо – нормативным:

(8) [_{VP} *Splačalo si se jo je* [_{IP} *ogledati t_i t_j*]]

'Ее стоило посмотреть'

Для большинства анкетированных пример (8) является аграмматичным – в нем «что-то лишнее». В одном случае изящное реше-

ние было достигнуто за счет замены инфинитивной группы на придаточное предложение:

Splačalo se je, [CP *da smo si jo ogledali*].

Во всех остальных случаях одна из возвратных клитик была устранена из кластера вышестоящей группы:

Splačalo si se jo je ogledati => *Splačalo se jo je ogledati* / *Splačalo si jo je ogledati*.

Носители паннонских диалектов, то есть жители самого востока Словении, в данном примере оставляют в кластере исключительно клитику вышестоящей группы *se*; штирийцы устраняют *se* и *si* с одинаковой частотой. Носители центральнословенских диалектов преимущественно оставляют клитику *si*, поднявшуюся из вложенной группы, и устраняют клитику вышестоящей группы.

Как видно из таблицы рангов, большинство глагольных клитик располагается перед местоименными. Исключение составляют формы будущего времени и форма Praes 3sg глагола *biti* – они находятся в самом конце кластера. Обусловлено это сравнительно поздним появлением глагольных клитик будущего времени. Клитики в кластере образуют такую же строгую последовательность, как морфемы в слове; новые клитики, возникающие в языке, не включаются в кластер случайным образом, а присоединяются к нему сзади, формируя последний ранг¹³. Глагольные клитики настоящего времени, появившись, первоначально также заняли позицию в самом конце кластера. В сербском языке их перемещение в начало кластера отражено в памятниках XIV–XV вв.¹⁴; некоторые болгарские диалекты вовсе не знают подъема глагольных клитик¹⁵. На прежнем месте во всех южнославянских языках осталась форма Praes 3sg (спорадически и несистемно поднимаясь по диалектам), а в македонском также Praes 3pl. Для словенского языка мы не можем заведетельствовать точную хронологию подъема глагольных клитик ввиду ограниченного количества примеров в немногочисленных дошедших до нас памятниках до второй половины XVI в.

Когда из полноударных форм будущего времени *bodem*, *bodeš*, *bode* сформировались клитики *bom*, *boš*, *bo*, им также не оставалось ничего другого, кроме как занять последний ранг. Так, только последний ранг отводит для клитик будущего времени нормативная грамматика «Slovenska slovnica», в то время как в разговорной форме литературного языка последние десятилетия наблюдается их подъем

в первый ранг. По диалектам подъем глагольных клитик будущего времени в начало кластера произошел только в диалектах паннонской группы, где из полноударных форм *bodem*, *bode* при утрате вокального элемента исторически образовался иной тип редуцированных, всегда безударных форм (*'n*, *dā*)².

Порядок клитик будущего времени является предметом языковой рефлексии для носителей только тех диалектов, в которых он представляет системное явление, – то есть паннонских и части штирийских (скорее всего, благодаря урокам словенского языка в школе, одной из целей которых является устранение диалектных черт в речи учеников). Но далеко не все они, используя разговорную форму литературного языка, пытаются избежать подъема клитик будущего времени – большинство носителей штирийских и паннонских диалектов считают его вполне допустимым, что подтверждает пример (9), записанный от образованного носителя прелекийского диалекта паннонской группы во время его выступления перед иностранными студентами:

(9) *Govoril bom počasneje, da bomo se razumeli.*

‘Говорить я буду помедленнее, чтобы мы друг друга поняли’.

(литературный стандарт: *Govoril bom počasneje, da se bomo razumeli.*)

Большинство анкетированных не замечают подъема клитики будущего времени в устной речи; если же специально обратить их внимание на данную особенность, они определяют ее как недопустимое разговорное явление, но не диалектизм. Так, в художественной литературе он используется как речевая характеристика малообразованного жителя Любляны и воспринимается носителями языка как явление разговорной речи, но не конкретного диалекта / региолекта:

(10) *Je reku, da bo nas ven vleku, če nas bo policija kaj jebala, ko bom iz menze v Študentu gajbe spizdeval⁶.*

‘Он сказал, что вытащит нас, если у нас будут проблемы с полицией, когда мы будем красть из столовой в студенческом общеджитии ящики с пивом’.

Почти все опрошенные сочли примеры с подъемом глагольной клитики будущего времени аграмматичными или разговорными. Только 25% носителей штирийских диалектов и – более последовательно – 80% носителей паннонских отметили, что использовали бы в родном идиоме такой порядок слов. Один носитель диалекта шти-

рийской группы (Брежице на Сави) и трое носителей паннонских признали следующий пример с подъемом глагола допустимым в разговорной форме литературного языка:

(11) *Ne, smo na Donavi, ko bomo se priključili Savi, bom povedala.*
‘Нет, мы на Дунае, когда войдем в Саву, я скажу’.

40% носителей паннонских диалектов при «переводе» примеров на родной идиом использовали диалектные редуцированные формы будущего времени: *Ne, smo na Donavi, čo se mo priključili Savi, bon povedala* (11); *Gučo bon bol pomalem ke te me razmili; Guča bon boj počasi, ka mo se razmili* (9). При построении фраз на литературном языке редуцированные формы, разумеется, использованы не были.

Можно заключить, что подъем глагольной клитики будущего времени для носителей восточнословенских диалектов представляется более допустимым в разговорной форме литературного языка, чем иные типичные черты восточнословенского синтаксиса. Так, редуцированные формы будущего времени глагола *biti*, построение отрицательных конструкций, клитизация форм глаголов *imeti* и *hoteti* практически никогда не появляются в литературной речи паннонцев и штирийцев.

Кластеризация клитик в словенском языке характеризуется возможностью присутствия в кластере двух местоименных клитик одного ранга, что нетипично для южнославянских языков. При клаймбинге клитик допускается последовательность двух клитических форм винительного или дательного падежей личных местоимений, причем порядок их расположения соответствует порядку вложения групп. При наличии глагола, управляющего двумя дополнениями прямого объекта, возможна последовательность двух клитических форм винительного или родительного падежей личных местоимений, причем первая клитика всегда обозначает одушевленный объект, вторая – неодушевленный.

Соседство двух местоименных клитик винительного и родительного падежей, формально корректное с точки зрения рангового принципа, последовательно избегается при предикативе. Последовательность двух возвратных клитик, возникающая в результате клаймбинга или же замещения валентности датива при возвратном глаголе формой возвратно-личного местоимения, также воспринимается как аграмматичная и устраняется.

Процесс перехода глагольных клитик будущего времени из последнего в первый ранг – это единственная синтаксическая особен-

ность диалектов паннонской и части штирийской группы, проявляющаяся в литературной речи носителей указанных диалектов. Порядок слов, отражающий данный переход, жители остальной территории Словении воспринимают как нарушение литературной нормы, но не определяют его как узкодиалектное явление.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 <http://gigafida.net>
- 2 *Toporišič J.* Slovenska slovnica. Založba Obzorja. Maribor, 1984.
- 3 *Franks St.* Clitics in Slavic. Paper presented at the Comparative Slavic Morphosyntax Workshop. Bloomington, 1998. P. 4; *Sadock J.* Autolexical Syntax. University of Chicago Press, 1991. P. 112.
- 4 *Franks St.* Clitics in Slavic. P. 3; *Циммерлинг А. В.* Типология порядка слов в славянских языках // Исследования по типологии славянских, балтийских и балканских языков (преимущественно в свете языковых контактов). СПб., 2013. С. 40–41.
- 5 *Orešnik J.* Slovenske breznapglasnice se vedejo predvsem kot proklitike // *Jezik in slovstvo* 29. 1984. № 4. S. 129.
- 6 *Zorko Z.* Prleško narečje v Radomerščaku, rojstnem kraju F. Miklošiča // *Miklošičev zbornik: mednarodni simpozij v Ljubljani od 26. do 28. junija 1991.* 1992. S. 472.
- 7 *Громова М. М.* Диалектные особенности функционирования клитик в ниже-прелекийских говорах // *Славянские языки и литературы в синхронии и диахронии: Материалы Международной научной конференции: Москва, МГУ имени М. В. Ломоносова, Филологический факультет, 26–28 ноября 2013 г. М., 2013. С. 85.*
- 8 *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. М., 2008. С. 27.
- 9 Там же. С. 28.
- 10 *Orešnik J.* O naslonskem nizu v knjižni slovenščini // *Jezik in slovstvo* 31. 1986. № 6. S. 213–215.
- 11 Там же.
- 12 *Зализняк А. А.* Древнерусские энклитики. С. 47; *Грицкат И.* Актуелни језички и текстолошки проблеми у старим српским ћирилским споменицима. Београд, 1972. С. 95.
- 13 *Толстая М. Н.* Система энклитик в сербских грамотах XIV – начала XV в. // Конференция «Славистика. Индоевропеистика. Ностратика». К 60-летию со дня рождения В. А. Дыбо. Тезисы докладов. М., 1991. С. 201–205.

- 14 *Стойков Ст.* Българска диалектология. София, 2002. С. 269.
- 15 *Murko M.* Enklitike v slovenščini. Oblikoslovje in skladnja // *Letopis Matice Slovenske za leto 1891* / Ur. Anton Bartel. Matica Slovenska, Ljubljana, 1891. S. 42–43; *Zorko Z.* Prleško narečje v Radomerščaku... S. 472.
- 16 *Skubic A.* Fužinski bluz. Ljubljana, 2001.

Gromova M. M.

Specific Features of Clitis-Clustering
in the Modern Slovenian Language

The article is devoted to the synchronic description of actual processes of clastering of pronominal and verbal clitics in the modern Slovenian language.

Keywords: Slovenian language, Slovenian dialects, clitics.